

— Товарищ председатель, бык с привязи сорвался! Что делать!
— Звони в район, им виднее!

КРОКОДИЛ

№ 9 (1623)

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

30 МАРТА 1961

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Злободневные строки

Пробудилась целина,
Стала житницей зерна.
Вроде моря-океана
Простирается она.

Мы, посланцы комсомола,
Любим эту даль дорог.
Я — «украинская мова»,
Ты — «российский говорок».

Ох, давным-давно пора
Ехать в поле со двора.
А районное начальство
Раздает выговора.

Мы приехали сюда
Для ударного труда:
Зазвучит на птицефермах:
«Го-го-го!» да «Куд-ку-да!»

По Москве гуляла краля,
Шалопаю нравилась,
А у нас, в Целинном крае,
Ничего, исправилась.

Есть слова, но под словами
Нет фундамента пока:
Обязательство давали —
Цифры брали с потолка.

Плещет песенный прибор.
Жизнь кипит, как мирный бой,
А герои этой жизни —
Ты, да я, да мы с тобой!

Сергей СМЕРНОВ

Дорогой Крокодил!

Взывают к твоей помощи книги. И не простые книги, а ученые. И не просто ученые, а медицинские. Нас много — шестьдесят тысяч!

Что с нами сделали, ты, вероятно, и не поверишь. Нас свалили в одну кучу, как ненужный хлам. Работники библиотеки не в состоянии до нас добраться. Они вынуждены карабкаться по завалам, как настоящие альпинисты.

В общем, нас похоронили живо. Приходят в библиотеку врачи, спрашивают медицинскую литературу, называют наши имена. А библиотекари только руками разводят: не докопаться, мол! Дескать, глубина залегания требуемой монографии такова, что до нее и турбобуром вряд ли доберешься.

А если в библиотеку одновременно придут три человека, тут не то что книгу разыскать — разминуться немислимо.

Над нами, поборниками санитарии и гигиены, зло посмеялась судьба: мы покрываемся пылью и плесенью. Нам не хватает воздуха. Вместо того, чтобы нас читали, нам укорачивают жизнь. Мы заняли читальный зал, тем самым вытеснив читателя.

Дирекция областной научно-медицинской библиотеки давно уже ставила вопрос о том, что нам негде жить. Ставила и перед облздравотделом и перед городским комитетом партии. Обращалась в Министерство здравоохранения Украины. Но всюду только пожимают плечами: выкручивайтесь сами, как сумеете! А как выкручиваться, не говорят.

Может, ты, дорогой Крокодил, подскажешь?

Жалобу выслушал и записал
В. ПОДМАЙСТРОВИЧ

г. Черновцы.

Обычный день Анны Дмитриевны

Анна Дмитриевна не выносит телефонных звонков и своих служебных обязанностей. Также не терпит, когда к ней обращаются за советами и указаниями. Прежде чем поднять трубку, Анна Дмитриевна обругает телефонный аппарат: «Ух, проклятый!»

Телефон терпит. Терпит и тот, кто осмелился позвонить. Телефонная трубка привыкла не реагировать на тяжелый взгляд свинцовых глаз и обидные реплики Анны Дмитриевны. А люди? Они почему-то волнуются, жалуется и даже плачут потихоньку.

Телефонный звонок на квартире Анны Дмитриевны раздался в шесть утра. Звонивший пошел на риск, на самоотверженный поступок.

— Анна Дмитриевна... Я вынуждена вам позвонить... Нужно срочно направить врача в Дмитриевку, наша машина туда не пройдет. Посоветуйте, как быть?

— Вы что? С ума сошли? Терзуйте в шесть утра! — И швырнула трубку.

Трубка промолчала. Оцепенев, умолк и дежурный врач, звонивший на квартиру главврача.

Появления главного врача Анны Дмитриевны в больнице, как всегда, трепетно ждал весь медицинский персонал.

Вот она прошла к себе... Сидя за непривлекательным, пыльным столом, вызвала регистраторшу.

Регистраторша — единственный во всей больнице человек, который входит в кабинет без особой опаски. Выдержав пригвождающий взгляд начальства, она доложила:

— Анна Дмитриевна, пришла сотрудница райисполкома, просит вас подписать один документ...

— Некогда мне. Зря притащилась.

— Она вам звонила. У нее срочное дело...

— А тебя не спрашивают.

— Анна Дмитриевна, у врача Петровой умирает мать, она просит...

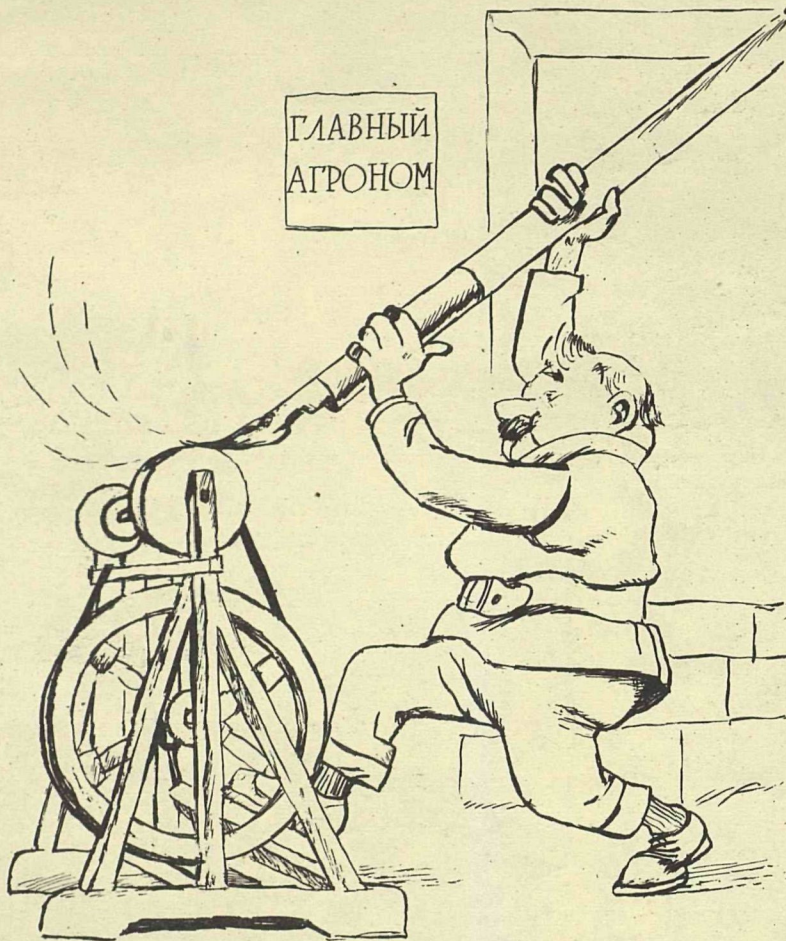
— Знаю, уже два года умирает.

— Она просит, чтобы в Фетисово вместо нее выехал врач амбулатории, а Петрова ее заменит...

— Нечего спекулировать болезнью матери! Пусть только попробует не поехать!

И Петрова поехала. Поехала, оставив умирающую мать.

...Анна Дмитриевна направилась в хирургическое отделение. Врачи, медсестры, санитарки замерли. Начальство задержало взгляд на лекарстве, которое принимал

Готовит инвентарь к посевной.

больной. Раздался грозный возглас:

— Какая дура прописала больному это лекарство?

Наконец, медсестра Попова не выдержала такого отношения и написала заявление в местный комитет профсоюза:

«Мне неоднократно грубит главврач, это было при больных в палатах и в кабинете. Я работаю медсестрой 17 лет и никогда не испытывала такого грубого отношения. Работать нет никакого желания. Если местком не разберет мое заявление, я буду писать в обком профсоюза, в облздравотдел».

Местком решился и разобрал.

Местком не понимал, как может врач быть таким грубым, нечутким, равнодушным, жестоким и базарно-крикливым. Но Анна Дмитриевна не слушала. Ее взгляд, холодный, омертвляющий, уставился в одну точку. Иногда он нацеливался на членов месткома и поочередно пронизывал их. И, может быть, поэтому местный комитет записал деликатное постановление: «Главврачу поменьше кричать, разговаривать ровным тоном, а справедливые замечания сотрудникам делать в кабинете».

Конечно, не каждый день и не каждый месяц заседает местный комитет и разбирает жалобы сотрудников больницы. А жалобы на главврача не прекращались. Нередко в укромных уголках больницы из-за «ндрава» Анны Дмитриевны льются слезы.

Но их не видит районное руководство, находящееся в 200 метрах от больницы, и Курский облздравотдел, расположенный в 50 минутах езды от Золотухинской больницы, где главврачом является Анна Дмитриевна Харченко.

М. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент
Крокодила

КОВРОМАНИЯ

Авторитет работников Калужского совнархоза определяется квадратными метрами ковротканых изделий, выставленных (вернее, выстеленных) в их кабинетах.

Служебную обитель председателя совнархоза Бориса Акимовича Розенкевича украшают три роскошных ковра и несколько ковровых дорожек. На долю заместителей председателя в соответствии с их рангом пришлось по два ковра, на долю начальников отделов — по одному. Всего эта ковромания уже обошлась государству в 50 тысяч рублей.

Казалось бы, кто-кто, а главный бухгалтер совнархоза должен был бы напомнить любителям служебного уюта, что не место красит человека, а человек — место. Увы, и он сам забыл об этой отличнейшей поговорке. И он попирает ногами в своем кабинете ковер, достойный багдадских калифов.

И. ПАЛАГИН,
старший экономист
облфинотдела

г. Калуга.

«КОТОРЫЕ ЗА ПЕЛЬМЕНЯМИ, ПРИДЕТСЯ ПОДОЖДАТЬ!»

ДЕНЬ начался так. Благовещенский повар В. Л. Меркушев взял под мышку изрядно потертую (просим обратить внимание на эту деталь) папку и вышел на улицу. По пути он забежал в пельменную подкрепиться. И сразу попал в хроническую пробку у раздаточного окна. Из глубин производственного помещения донесся жизнерадостный возглас:

— Которые за пельменями, придется подождать!

Дальневосточники, как и сибиряки, понимают толк в пельменях, поэтому в часы «пик» специализированная точка общепита не успевает удовлетворить повышенный спрос на любимое блюдо, хотя работа на кухне кипит горячо. В раздаточное окно видна целая стайка учениц местной кулинарной школы. Под руководством повара они торопливо лепят вкусные шарики из теста и мяса.

— Слушайте, барышня, а где же пельменный автомат? Тот самый, помните, о котором писали? — полубобытствовал кто-то в очереди.

А пельменный автомат был здесь, рядом. Он находился в папке, на которую мы обратили внимание читателей.

История автомата не сложна. Протокол № 1 от 29 декабря 1959 года воскрешает заседание полномочной комиссии под председательством заместителя начальника областного управления торговли Г. И. Гаганова. Докладывают изобретатели: повар В. Л. Меркушев и его брат студент И. Л. Меркушев.

Автомат приводит комиссию в восторг. Вы закладываете в бункер тесто, а в дозатор мясной фарш, включаете рубильник — и из другого конца машины принимаете аккуратненькие, кругленькие пельмени. Две тонны пельменей за восемь часов! Стоит вам заменить матрицы — и по транспортеру вместо пельменей пошли пирожки. Еще раз заменили матрицы — получаете пончики. Заложите один мясной фарш — и автомат наформирует вам фрикаделей. А вся машина не больше письменного стола.

И было принято комиссией единодушное решение:

«а) просить конструкторско-технологическое бюро облпромсовета разработать не-

обходимые рабочие чертежи для изготовления опытного образца автомата;

б) контроль за изготовлением опытного образца автомата возложить на областной совет общества изобретателей и рационализаторов (т. Мартынов);

в) управлению торговли (т. Гаганов) изыскать необходимые финансы для внедрения кулинарного автомата.

Под протоколом подписались все члены указанной комиссии.

Кроме протокола, в папке подшито решение Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР от 31 мая 1960 года. Комитет зарегистрировал универсальный кулинарный автомат братьев Меркушевых и рекомендовал «данное изобретение для внедрения Амурскому облпромсовету».

Дальше следуют две вырезанные из «Амурской правды» заметки. Одна из них только оповестила публику об изобретении, в другой же по просьбе читателей рассказано о нем пошире. Потом идет вырезка из «Советской России». Затем подробное описание и чертеж, опубликованные в журнале «Общественное питание».

Это была золотая пора для изобретателей. Они принимали поздравления, собирали вырезки и коллекционировали жизнеутверждающие постановления.

А потом начались черные дни.

Дело дошло до внедрения автомата, и руководители облпромсовета замялись. Мялись они до тех пор, пока промкооперацию не расформировали. Тогда областной совет общества изобретателей и рационализаторов порекомендовал взяться за это дело, как и указано было в знаменитом протоколе № 1, управлению торговли. Но у тов. Гаганова, который с энтузиазмом поставил свою подпись под протоколом, со временем пыл пропал, и он тоже замялся.

Мялся несколько месяцев. Наконец полномочный председатель комиссии сообщил изобретателям:

— Н-да, знаете, нет денег. Увы, нет.

Совет ВОИР переадресовал свою рекомендацию управлению пищевой промышленности Амурского совнархоза. Специалисты этого управления оказались людьми на редкость занятыми. Они несколько раз назначали заседание по изучению изобретения и столько же раз откладывали его. А когда собрались и изучили, то приняли решение посоветоваться с заместителем председателя совнархоза тов. Кузнецовым, о чем внесли соответствующую запись в протокол.

Посоветоваться же с тов. Кузнецовым в тот раз было невозможно, так как он уехал в командировку. Когда тов. Кузнецов вернулся, уехали специалисты.

Наконец настал он, долгожданный день! Обстоятельства сложились в пользу изобретателей. Тов. Кузнецов был на месте. Специалисты возвратились из командировки. В. Л. Меркушев с трепетом вошел в приемную и стал ждать своей очереди.

И что же? На этот раз удар по кулинарному автомату последовал совсем с неожиданной стороны — со стороны секретаря-машинистки. Она заболела, и протокол специалистов оказался запертым в ящике ее стола.

Изобретателю предложили еще подождать...

День закончился. Благовещенский повар В. Л. Меркушев взял под мышку папку и тоскливо вышел на улицу. По пути он зашел в пельменную. Подкрепиться. Из глубин производственного помещения донесся предупреждающий возглас:

— Которые за пельменями, придется подождать!

Д. ЕПИФАНОВ

г. Благовещенск.

Петро РЕБРО

Принял меры

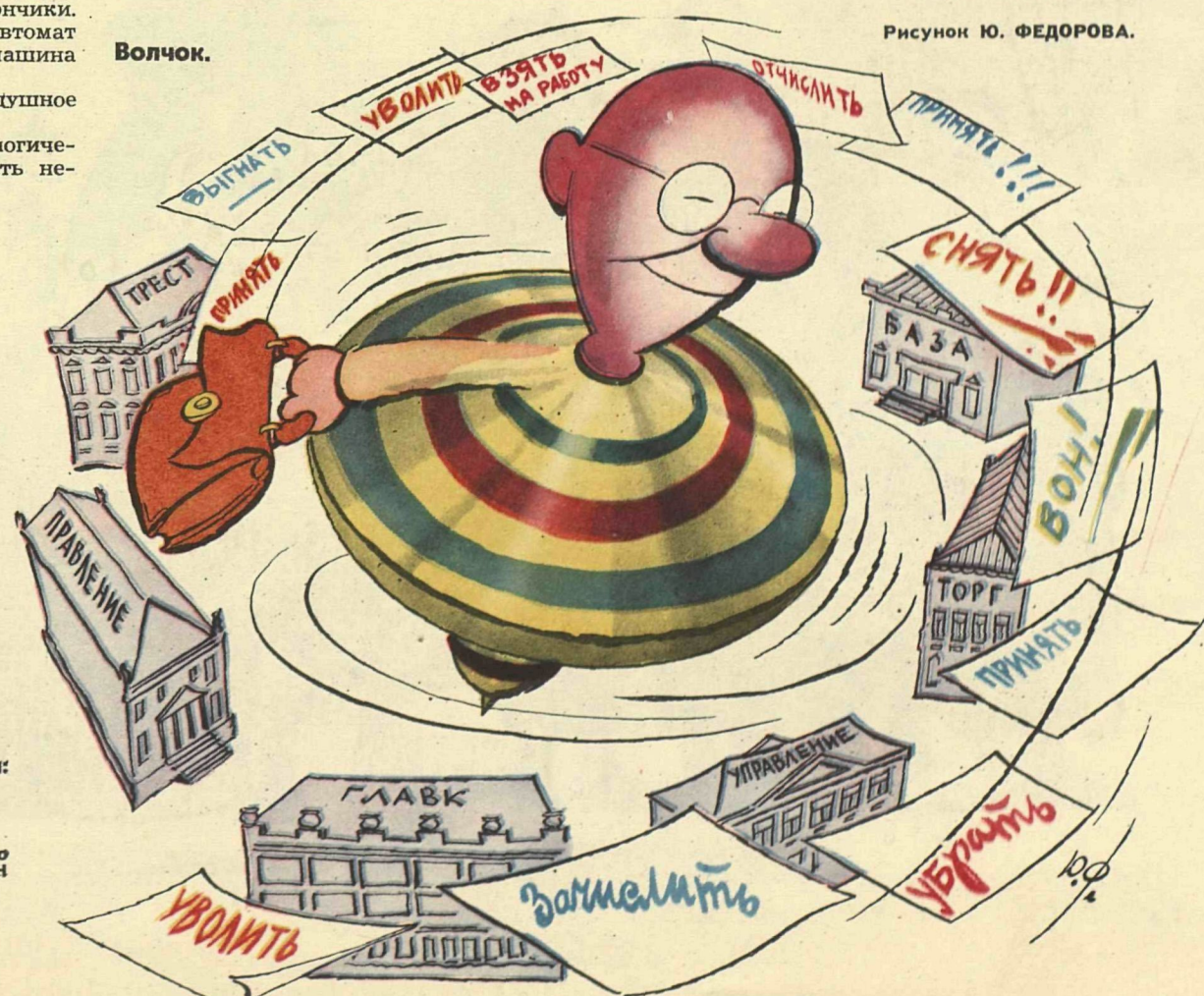
Раз десять говорили голове,
Что кукуруза гибнет без прополки,
Что всходов не видать уже в траве,
Что в зарослях осота воют волки...

И голова — решителен, суров —
Пресек приказом строгим кривотолки:
«Немедленно приобрести двустовки
И все бригады бросить на волков!»

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН

Волчок.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Её сиятельство Графа

Больного с острым приступом аппендицита привезли в больницу. Главный врач поглядел в толстую книгу и развел руками:

— Принять не можем. По аппендицитам мы в этом квартале норму выполнили. Вот если бы гипертония или, скажем, инфаркт,— это с милой душой. По гипертоникам у нас недовыполнение.

— Выдумка,— скажет читатель,— такого* не бывает.

Бывает. Правда, не в медицине.

Ее сиятельство Графа имеет подчас великую, почти магическую силу. Ежели графа позволяет,— все к вашим услугам. А коли нет ее высочайшего разрешения, стало быть, и говорить с вами не о чем, проходите дальше, бог подаст.

Недавно был я в одном из самых хлебных районов целинной Кустанайской области. Зашел в чайную. Три свободных стены и четыре простенка заняты творениями местного живописца.

Талантом его бог обидел, и он, как мог, снимал копии с конфетных оберток и коробок от одеколона.

Во что обошлись эти художества?

Заведующий чайной, мужчина лет тридцати, с пунцово-красным лицом, скромно называет четырехзначную цифру:

— Стремимся к культуре...

А вокруг нас летают тучи мух. Они засидели все клеенки, марлевые зачавески на окнах и эту самую «культуру» с головы до ног.

И ни одной липучки. Ни одного мухомора. Ну, что бы хоть один простенок оставить свободным, а на эти деньги...

Но пуноцовой заведующий разводит руками:

— Никак не можем. На приобретение культуринвентаря, на украшение зала средства отпущены. А на липучки — нет. Не та графа.

Между городом А и городом Б проложена

дорога. Дорога плохая: рытвины, ухабы. Каждый год ее ремонтируют. Много лет подряд. И теперь уж камни, которыми ее мостят, не простые—золотые. Давно можно было построить на затраченные деньги настоящее шоссе.

Но это должно идти по графе «кап. строительство». Однако она из года в год пустует. Зато есть ассигнования по другой — «ремонт». Вот и ремонтируют...

Существуют казусы и посложнее.

На станции Вешняки, Московской железной дороги, в прошлом году капитально отремонтировали деревянные платформы.

А в этом году деревянные сломали и построили железобетонные. Прочно, красиво, спору нет.

Но все-таки хочется поспорить. Рядом с платформой — шоссе и переезд через железную дорогу. Четыре линии. Поезда идут беспрепятственно — пассажирские, товарные, пригородные. Шоссе не менее оживленное — туда и обратно поток машин.

И вот этот поток останавливается. Стоит пять минут, стоит пятнадцать, полчаса. Десятки, сотни автомашин с людьми, с важными грузами ждут, когда образуется «окно» между поездами.

Можно на день посадить у этого переезда человека с карандашом и с блокнотом, и он подсчитает убытки, которые дает государству один этот переезд.

Почему бы пассажирам еще год-два не походить по деревянной платформе, а железо, бетон, рабочую силу и деньги направить на сооружение подземного переезда?

Нельзя.

В данном случае не только не та графа, но и не тот главк. Платформа значится в графе Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения, а переезд подведомствен управлению пути и сооружений.

А МПС данному переезду графы не выделило...

Наш разговор был бы неполным, если бы мы не сказали несколько слов еще об одном явлении — «неизрасходованной графе». Когда кончается финансовый год, ее сиятельство неизрасходованная графа гоняет по писчебумажным магазинам сотни работников учреждений. Они тоннами скупают канцелярскую кнопку, возами везут гуммиарабик. А зачем?

— Чтобы на будущий год, не дай бог, эту графу не урезали.

Я был свидетелем того, как завхоз одного довольно мелкого учреждения 30 декабря закупил сразу семь люстр.

— Зачем вам столько? — спросил я у него. — Ведь вы размещаетесь всего в трех комнатах.

— Это я не себе. Отдам соседнему институту. А они нам взамен — пишущие машинки.

Почему идет этот базарный торг между двумя советскими учреждениями?

Графы виноваты. Они, графы, не в курсе, кому нужны люстры, а кому — машинки.

Графы сочиняются людьми. Подавляющее большинство этих граф сочинено на пользу людям же. Таким графам — уважение и почет. Их надобно неукоснительно слушаться и во всем им подчиняться.

Но если графа взята с канцелярского потолка? Если от нее не польза, а вред государству, тогда как?

Тогда надо привести ее в соответствие с жизнью, поставить на свое законное место.

И не только графу. Но и ее автора, сочинителя. Надо ему прямо и недвусмысленно сказать:

— К сожалению, вы заняли не свою графу в штатном расписании. Пройдите двумя графами ниже.

А. СУКОНЦЕВ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Состав многих профессиональных хоров годами не пополняется молодыми исполнителями.

— Эту песню запевает молодежь...

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА

Порфирий Никанорыч Грач
Не знает в жизни неудач.
Он занят важными делами —
Работы много у Грача:
Летает он под облаками
В высоком званье толкача.
Быстрее ветра мчась на «ТУ»,
Он, как волшебник, на лету
Толкает пестики, и ступки,
И уютги, и мясорубки,
Железо, шифер, шины, толь...
За бочкой меда мчит
в Камышин,
В Ташкент несется
за кишмишем...
Толкает все, лишь брать
изволь!

И для подмоги наготове
Есть у Грача друзья везде:
И Федор Карпович в Ростове,
И Тит Фомич в Караганде...
Мелькают дни, плывут
кварталы,
Уже в разгаре новый год,
А Грач все так же, как бывало,
Берет билет на самолет...

Однажды, предвкушая прибыль
От рейса, что ему не нов,
Порфирий Никанорыч прибыл
По делу спешному в Ростов.
И чтоб решить вопросы сразу,
Явился с корабля на базу.
Но, перейдя порог едва,
Такие услышал слова:
— Уже отправлены детали!..
Грач так и ахнул:
— Что за бред!!
Вы что же, сами их послали!..
Да ведь у вас порядка нет!
И, вне себя от возмущенья
[Где уважение к труду!],
Он обвинил Ростов в измене
И полетел в Караганду.
Но что за времена настали —
Хоть поворачивай назад!
— Уже отправлены детали! —
Карагандинцы говорят.
Грач растерялся...
— Это что же!..
Лететь назад, в свои края!!
Ну кто же мне теперь
поможет!
Без должности остался я!..
Да... В силу таких условий
Не могут уж помочь в «беде»
Ни Федор Карпович в Ростове,
Ни Тит Фомич в Караганде...

Задев одну из важных тем,
Позвольте в качестве финала
Сказать: давно пора настала
Без толкачей работать всем!

Мих. РАСКАТОВ,
Бор. РОЩИН

НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ.

Двадцать семь и один

ПОЧТИ пять лет руководство ремстройтреста Пролетарского района столицы с почтением взирало на Филиппа Осиповича Романюка-Чепелевича, своего верховного стража финансового порядка, а проще говоря, главного бухгалтера. И действительно, Филипп Осипович — человек строгий, любит, чтобы взаимопонимание было с полуслова, с полумаека...

Вот, например, поступила на работу в подведомственное Романюку-Чепелевичу стройуправление № 2 гражданка Л. И не кем-нибудь поступила — главным бухгалтером. А у этой самой Л. нелады с жилплощадью: Как тут не помочь, как не поддержать?

Приглашает Филипп Осипович к себе в кабинет Л. на предмет делового разговора о жилищной проблеме.

Польщенная Л. про себя уже прикидывает, кого звать на новоселье и как просить дорогого начальника быть крестным новой жилплощадью.

Начальство не отказывается. Более того, начальство идет навстречу. Мало-помалу беседа принимает такой сердечный оборот, что вести ее дальше в служебном кабинете становится просто неприличным. Тем более, что есть в столице пицеточка «Валчуг», с которой у начальника связаны воспоминания детства.

Коньяк лился рекой. Платила, естественно, гражданка Л.

— Как я сказал, так, значит, и будет, — заверял Филипп Осипович. — Поняла? Ведь у меня Солдаткин-то, вот он где — в сейфе! Как захочу, так и сделаю: на то я и главный. Будет тебе комната!

На следующий день гражданку Л. опять вызвали к начальству, для уточнения деталей.

— Вопрос уже почти решен, — обрадовал ее главбух. — Вот только запомню: тебе четырнадцать метров или четырнадцать с четвертью?

За четверть пришлось выпить пол-литра. Тем более, что у Филиппа Осиповича после вчерашнего болела голова.

Так и пошло: что ни день, то уточнения, что ни вечер, то спирькивания. Бедная Л. похудела и стала распродавать вещишки, а Филипп Осипович лишь входил во вкус.

— Ты меня накормила?

— Накормила.

— Ты меня напоила?

— Напоила.

— А теперь повесели!

— Как так?

— Ты! Будто не знаешь! Чай, не маленькая...

С тех пор стали пить втроем: в присутствии мужа начальство на деликатные вещи не намекало.

И вдруг — ревизия! На угощение начальству Л. испатила шесть тысяч рублей (по старому курсу) своих денег и три тысячи с лишним казенных. Были бы у Л. крупные неприятности, но ей повезло: попала под указ об амнистии. Поблагодарил Филипп Осипович ревизоров за то, что помогли ему избавиться от расхитительницы, и затосковал.

Впрочем, тосковал недолго. Взял на место Л. бесквартирную М. М. Цыганкову и ожил. Все пошло по-старому. Правда, кое-что было и новое. Полубил вдруг беспутный главбух подарки: то рубашечку попросит ему презентовать, то перчатки,

от кашне тоже не отказался. Брал и наличными — «на проталкивание».

— Я тебе все сделаю. Ты — для меня, я — для тебя. А Солдаткин — мой друг-приятель. Что попрошу, то и будет!

И действительно, получила Цыганкова комнату. Получила — и зазналась. Попросил у нее Романюк-Чепелевич пять тысяч «благодарности» — отказала. А потом горько раскаялась. Отобрали у нее комнату. Впредь наука! Мало того, откуда ни возьмись, появилась в ОБХСС анонимка о ее нехорошем морально-финансовом облике. И пошло дело!..

Прочувил Цыганкову Филипп Осипович, и опять ему что-то грустно стало. Но опять ненадолго. Узрел он среди подчиненных некую особу. Взырало ретиво! Чем, мол, я хуже гетмана Мазепы из одноименной оперы? И возразил такой же, и она — Мария. Любви все возрасты покорны!

В трест перевел, возвысил, приблизил...

На коньяк по-прежнему хватало. То подкинет В. С. Борисова, главбух СУ-3, то Ф. Д. Оборнев, начальник СУ-2, то десятник В. М. Шведов. А Л. В. Михалеву, главному инженеру СУ-4, до тех пор за предложение не платил, пока тот не догадался побеседовать с Филиппом Осиповичем «в спокойной обстановке».

Так и жил Филипп Осипович: и коньяк, и любовные утехы, и наличные. А на чем человек прогорел, смешно сказать! Заварил на Цыганкову уголовное дело, а оно возьми да против него и обернись. Попал бычок на веревочку! Осиротел ремстройтрест Пролетарского района столицы. И управляющий трестом Солдаткин не помог.

Сел Романюк-Чепелевич, стал давать показания: где и с кем пил, кого принуждал к сожительствам, колда и сколько брал.

И тут-то началось самое удивительное. Двадцать семь свидетелей один за другим предстали перед следователем. Один за другим, захлебываясь от нетерпения, давась цифрами и фактами, нарисовали они отвратительный облик взяточника и самодура, пьяницы и развратника.

И вот суд позади. И нам хочется узнать, как смотрит руководство треста на все это дело.

— Филипп Осипович пил? — удивляется Солдаткин. — Не видел! Вот вам крест, ни слухом, ни нюхом... Как? И шалил с дамами в служебном кабинете? Не может быть, такой солидный работник!..

С трудом напрягает память и предместкома Н. И. Обухов.

— Что-то вроде поступало... Сигналы какие-то. Кто-то жаловался. Да как-то, знаете, забегались. Текучка засосала.

Да, сигналы поступали. И об этом прекрасно знали и А. П. Солдаткин, и Н. И. Обухов, и парторг С. М. Тарасов, и начальник отдела кадров А. Д. Волгина. Именно к ним обращались люди, именно их просили обуздать взяточника и самодура. Они же делали вид, будто ничего не происходит: к чему выносить сор из избы?

А лихой главбух, видя, что все ему сходит с рук, распоясывался все больше. Не случайно он прозил или обещал от имени управляющего трестом, Солдаткин действительно был у него «в руках». Одних только приписок в тресте за прошлый год набегало до миллиона рублей. Полмиллиона перерасходовали по зарплате. Отчитывались за объекты, которых и не начинали строить.

Для развития той или иной бактерии нужна питательная среда. Такую среду для бактерии лихоимства и создало само руководство треста.

Евг. КОРШУНОВ

ОТДОЯ

О героях
в алфавитном
порядке

ПОДХАЛИМ

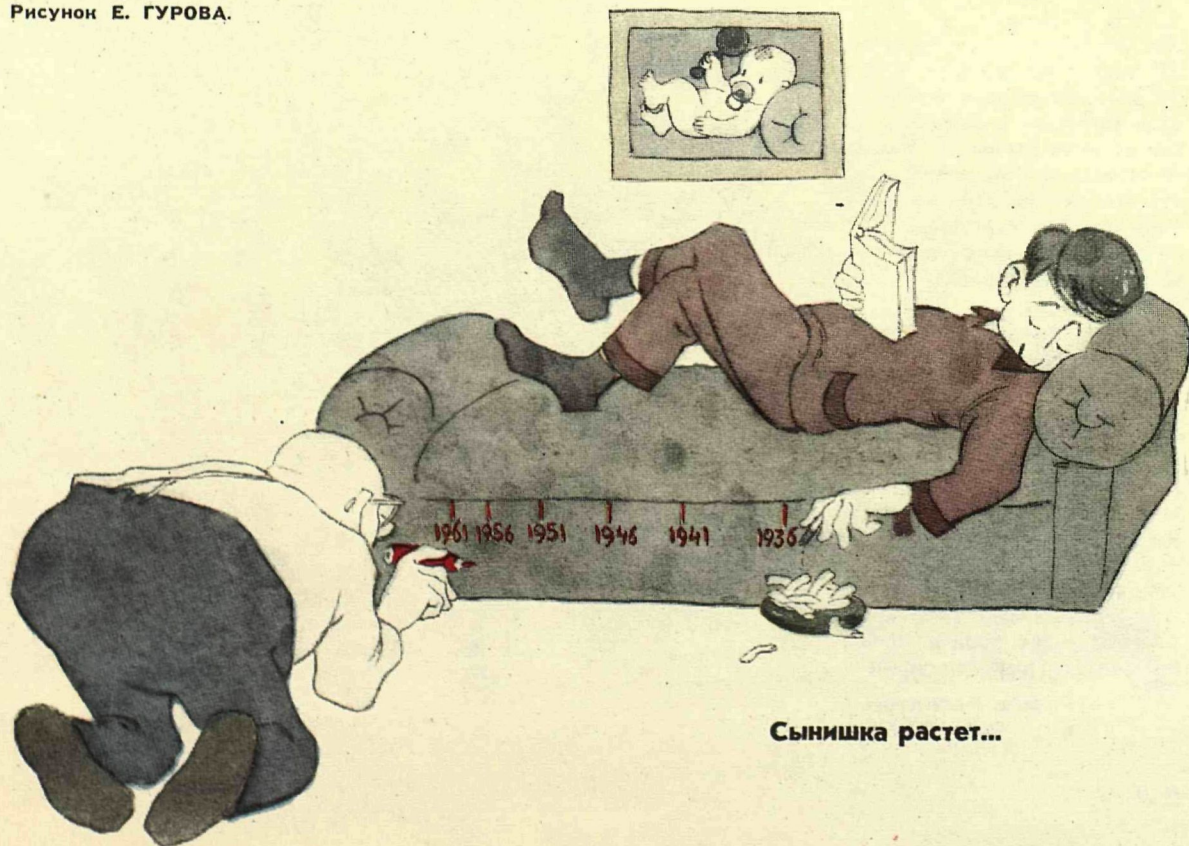

РАСТРАТЧИК

СПЕКУЛЯНТ

Рисунок Е. ГУРОВА.

Сынишка растет...

Объединение ДЕЙСТВИЕМ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Переезд семейства Коловоротовых на новую квартиру задерживался. Коловоротов-младший — пятиклассник Петька — никак не мог загнать своих голубей в фанерный ящик, а теща полдня пробегала за козой Машкой. Машка не желала переселяться в каменные джунгли. Она шарахалась от тещи, как черт от ладана, а в глазах ее светился тихий ужас. К обеду Машку все-таки заарканили и затащили в кузов грузового такси.

— Ну, с богом! — сказала теща и заплакала, усердно крестясь на осиротевшую хату-развалюху.

Через полчаса машина с новоселами подкатила к новому девятиэтажному дому на одном из новых, светлых проспектов.

Мгновение — и все семейство вознеслось на шестой этаж. Коловоротов-старший отпер дверь, и Петька, сгорая от любопытства, скользнул было в квартиру.

— Погодь, погодь! — осадила его теща, придерживая за вихры. — Дом еще не обжитой.

Она достала коробку из-под монпансье и засеменила по комнатам, разбрасывая тараканов. Тараканы беспокойно ринулись на поиски щелей.

Начали осваиваться и хозяйка жилья. Они приступили к осмотру квартиры, выискивая удобства и неудобства. Коловоротов-старший одобительно пнул ногой батарею отопления и намертво привязал к ней двухведерную бутьль с брагой.

— В аккурат дозреет к новоселью! — крикнул глава семейства.

Из-за балкона вспыхнула целая война. Петька вознамерился соорудить там голубятню, а теща норовила пристроить туда козу. В конце концов решили поселить Машку в шкафу для одежды, выкупав ее предварительно с мылом.

Купали козу в ванной. Очумев от дегтярного мыла, Машка боднула пару раз кафельную стенку, и плитка посыпалась на пол.

— Петька, куда гирию от ходиков девал? — крикнула мать. — А ну ищи, безобразник!

Поиски гири успехом не увенчались. Тогда Коловоротов-старший кусачками оторвал в уборной подвесную ручку, и ходики снова пришли в движение.

Откушав чаю, семейство Коловоротовых отошло на покой. В полночь покой был нарушен страшным взрывом. Брага дозрела раньше времени. Бутылка лопнула. Одновременно лопнули стекла в окнах.

Коловоротовы проснулись. Соседи с нижнего этажа гневно стучали в потолок шваброй: оказывается, Коловоротова-старшая забыла выключить воду в ванной после омовения Машки...

Когда в квартиру Коловоротовых прибежал техник-смотритель и увидел картину содеянного погрома, ему стало нехорошо.

Наутро главу семейства доставили в домком.

Члены домового комитета Иван Петрович и Петр Иванович были скорбны и гневны. Они объявили, что немедленно составят акт.

— Акт? — с ухмылкой переспросил Коловоротов. — Да по мне хоть протокол! Квартира моя? Моя! Стало быть, я в ей хозяин. А к тому же ничего особенного и не случилось. Обыкновенная жизнь. У меня, к примеру, земляк в Измайлове проживает, так вы там посмотрели бы! Во где свобода. А вы — акт! Умора!

Петр Иванович посмотрел на Ивана Петровича. Решение созрело.

— Ладно, гражданин Коловоротов, — сказа-

ли члены домкома. — Мы проверим вашего земляка. Не может того быть, чтобы в столице жил еще хоть один такой вандал, как вы. А потом вернемся и призовем вас к ответу.

— С нашим удовольствием, — усмехнулся Коловоротов. — Валяйте, шпарьте! А я покедова пойду: в кухне крюки надо забить. Для сушки белья, значит...

Иван Петрович и Петр Иванович отправились в путь.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На Измайловском бульваре играли ребяташки. Одни вели прицельную стрельбу снежками, другие катались с горки.

— Ребятаки, вы осторожно, стекла не побейте! — предупредили играющих Иван Петрович и Петр Иванович.

— Да вы здесь в первый раз, что ли? — удивилась проходящая мимо дебилая тетя в пуховой шали. — Здесь, милачки, бить стекла в обряде. У нас это запросто.

На что она намекала, наши следопыты поняли лишь тогда, когда вошли в подъезд дома № 64.

Дом совсем новый. Всего полгода прошло, как здесь поселились работники автобазы № 3 Сталинского района. Но как густо уже легли здесь следы «младенческих забав», обитателей этого дома!

Лестничные пролеты и площадки исписаны такими словесами, которых не найти ни в одном толковом словаре. Парадная дверь зияла выбитым стеклом. Над входом красовались разбитые лампочки и плафон. Перила были старательно и со знанием дела изуродованы чем-то острым. На стене у самого входа была высечена лапидарная надпись: «Дурак».

— Чья это работа? — обратился Петр Иванович к дворнику.

— Эх-ма, голубчики, — снисходительно ответил дворник, — да разве это работа? Так, пустяки. Здесь щенки супротив тех, кто живет на Ленинском проспекте. Сам знаю достоверно.

Не подумайте, что здесь происходит съемка фильма «Старый двор». Двор абсолютно новый, как и голубятня Анатолия Кузнецова.

Я там на масляной у кумы гулял, видел. Вот где мастера! Против тех наши — мелкота, недотепы...

И вот уже наши путешественники возле дома № 72 по Ленинскому проспекту.

...На шляпу Ивана Петровича упала хлебная корка. Потом откуда-то свалилась палка. Раз-

дался разбойный посвист, которым в старину сопровождалась возгласы: «Сарынь на кичку!»

— Куда спрятаться? — побледнел Петр Иванович.

— Эй вы, чего сдрейфили? — крикнул с балкона седьмого этажа маляр Мосотделстроя Анатолий Баранов. — Это я не в вас кидаю, это я голубей гоняю!

И он снова замахал шестом, этот самодержавный хозяин балконной голубятни.

Впрочем, такое же украшение из досок и фанеры соорудили во дворах дома № 83 слесарь автобазы № 4 Анатолий Кузнецов и дома № 73/8 — Юрий Левшин.

— Подумаешь, голубятня! — презрительно сказал один из них членом домкома. — У меня кореш на Хорошевском шоссе живет. Вот там люди ни в чем себя не стесняют. Факт! Что хотят делают.

Узнав, что особо воинственная публика живет в Ленинградском районе на Хорошевских улицах (ЖЭК № 3), два друга отправились туда.

Голубятник был прав: здесь жильцы стеснять себя не привыкли.

Казалось, что эти многострадальные здания на 1-й и 2-й Хорошевской улицах выдержали длительную осаду, отражая натиски вражеских полчищ, вооруженных катапультами, дрекольем, рогатинами и пищалями.

Работники жилищно-эксплуатационной конторы № 3 со слезами на глазах признались гостям-коллегам:

— Не успеваем стекла вставлять, новые замки навешивать. Все идет прахом!

И действительно, тут основательно потрудились «специалисты» — стрелки по электролампочкам и оконным стеклам, мастера «художественной росписи» стен, «резчики по дереву», то есть по перилам и лифтовым кабинам... Словом, самодеятельность процветала здесь всюю.

В пятом подъезде дома № 17 некий любитель техники выбил в кабине лифта кнопки трех этажей. Лифт остановили. Жильцам, в том числе больным и старым, пришлось ходить вплоть до седьмого этажа пешком.

Однако это была не самая крутая расправа с подъемной техникой. Какие-то любознательные погромщики сорвали с петель дверь кабины лифта. Сорвали и убедились, что лифт боль-

ше действовать не будет. Утолили, так сказать, жажду знаний.

Тут же нашим следопытам рассказали и о происхождении загадочных отверстий в стене. ...Это случилось поздно вечером. В квартире № 119 дома № 1 по 1-й Хорошевской улице постучали гости. Скажем прямо: их сюда никто не приглашал. Поэтому торжественной встречи не было. Гостям просто не открыли. Тогда они, взяв лом, «пошли на таран». В наружной стене негостеприимной квартиры были сделаны три пробоины, каждая величиной с блюдце. Как видно, это занятие пришлось гостям по душе: возле другой квартиры зияли две пробоины. Рядом с квартирой № 120 стена была прочнее, поэтому остались только солидные вмятины и трещины.

Потом питекантропы с ломами удалились в свои пещеры.

— Но ведь слышал же кто-нибудь, когда они здесь расшибали стены? Почему не вышли соседи? Кто живет вот здесь, например, в квартире № 120? Неужели какая-нибудь древняя и ветхая старушка?

— Угадали! Именно старушка здесь живет. Правда, у нее два сына-богатыря, братья Сергеевы. Один—шофер, другой — слесарь. И никто из них носу не высунул.

— Не любят иные наши жильцы своих жилищ, — пояснил техник Александр Павлович. — Хотите верить, хотите нет, тоска их гложет. Здесь у нас много таких, что, кажется, согласились бы в сарае или даже в хлеву жить, только б отдельно, на отлете. Вот имели они где-то в подмосковном селе свою хатенку, а там сейчас большое строительство. За их хатенки заплатили, дали хозяевам хорошие квартиры, а они недовольны. Нет у них теперь персональной лужи под окном, и что самое для них убийственное, негде держать свинью или там козу...

— Но ведь здесь все удобства!

— Вот именно удобства! В ванну, например, можно картошки насыпать. В мусоропровод дряни какой-нибудь натолкать да и засорить его. Вот как у Пономаревых. Возле двери — две такие кучи хлама, что...

— Каких Пономаревых?

Оказалось, что Пономаревых здесь знают все. Эта семейка — тяжкий крест для работников ЖЭКа. Живут Пономаревы в квартире 64 дома 92/2 по Хорошевскому шоссе. Глава семьи — Татьяна Петровна, сын 18 лет и дочь несколько старше. Семейка прибыла сюда из персональной избенки, получив за нее приличные деньги и квартиру вдобавок. Но через некоторое время новое жилье им почему-то разонравилось. И они вот уже третий год даже

Так стараниями «Гастронома» № 69 выглядит двор дома № 91 по Ленинскому проспекту.

не желают прописываться. И за квартиру не желают платить.

А поделять ничего с ними не могут. Топчутся вокруг них работники жилищной конторы и милиции и уговаривают:

— Заплатите за квартиру, будьте добреньки!

— Пропишитесь, будьте любезны!

— Не жожалами! Нету нашего согласия! Чтобы он провалился, ваш новый дом! Нам свое, отдельное надобно! Чтобы и к нам никто, и мы ни к кому!..

Иван Петрович и Петр Иванович переглянулись. Оба почувствовали, что с них уже до-

вольно. И оба, будто сговорившись, в один голос сказали:

— Теперь — туда... в редакцию...

Через полчаса они уже сидели рядом с Крокодилем.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Крокодил кое-как успокоил взволнованных членов домкома и на другое утро поспешил в Моссовет. Здесь он встретил как раз того, кого ему и было нужно: начальника отдела технической эксплуатации жилищного управления Валентина Павловича Иванова.

— Ко мне пришли Петр Иванович и Иван Петрович, — сказал Крокодил. — Они обошли несколько домов и новых жилых массивов Москвы и всюду не верили своим глазам. А когда они рассказывали мне обо всем этом, я не верил своим ушам. Почему иные новоселы одержимы манией как можно быстрее превратить свои отличные, сияющие чистотой, удобные, современные дома и квартиры в какие-то полуразрушенные логова? И главное, почему они делают это без тени смущения, даже не озираясь с опаской по сторонам? Неужели на них нет никакой управы?

— Да мы ведь боремся, — ответил Валентин Павлович. — Новоселы подписывают договор о найме помещения, обязуются содержать его в чистоте и порядке. К сожалению, — он тяжело вздохнул, — договор этот превратился в пустую формальность.

— Неужто вы так и не наказали ни одного квартирного громилу?

— Ни одного. — Собеседник Крокодила подумал и добавил: — Пока ни одного.

— Прав у вас, что ли, таких нет?

— Права-то есть. И не только права. Мы даже обязаны людей, злостно разрушающих или портящих жилые помещения, выселять в судебном порядке без предоставления другой жилплощади. Только плохо мы этим правом пользуемся. Особенно техники-смотрители ЖЭКов. Нередко они даже своих прямых служебных обязанностей не выполняют. Каждый из них должен раз в месяц побывать в каждой квартире. А они не бывают и не знают, какие меры надо принять, чтобы в квартире был порядок. В этом наша самая большая беда.

Валентин Павлович извлек из стола маленькую зеленую книжицу и прочел название:

«Порядок содержания жилых помещений и пользования ими. Решение Моссовета от 15 июля 1958 года». Пункт третий: «Граждане обязаны бережно и заботливо относиться как к помещениям, используемым под жилье, так и к местам общего пользования, оборудованию квартиры и дома...»

Засим Валентин Павлович мечтательно сказал:

— Эх, если бы так на самом деле было!

И Крокодил понял, что аудиенция окончена. Возвращаясь в редакцию, Крокодил вспомнил, что он уже читал где-то о неистовых новоселах, кидающихся на свое новое жилье, как троллодит на заганного мамонта. И в «Советской России», и в «Вечерней Москве», и во многих других газетах и журналах. Тут же он вспомнил, что многочисленные решения Моссовета по этому вопросу пестрят такими вегетарианскими выражениями, как «разъянять жителей», «усилить наблюдение», «обеспечить контроль»... А вот о мерах пресечения и наказания говорилось в этих решениях как-то очень уж бегло, вскользь, скороговоркой.

И Крокодил подумал: не пора ли всерьез напомнить тем людям, которые бесчинствуют в новеньких прекрасных домах, о той цене, какой достаются эти дома народу? Не настало ли время перейти от увещаний к крупным штрафам и от бумажных актов — к решительным мерам? Словом, не пора ли раз и навсегда пресечь разгульное «домоводство» граждан Коловоротовых и им подобных?

Когда Крокодил поделился этими соображениями с Иваном Петровичем и Петром Ивановичем, те сказали в один голос:

— Давно пора!

А что скажешь ты, читатель?

По поручению Крокодила: Ю. АЛЕКСЕЕВ,
Н. БАЖЕНОВ, А. ВИХРЕВ, М. ГАНКИН,
Д. ПОЛЕСОВ, Е. ЦУГУЛИЕВА

Рисунок Е. МИГУНОВА.

Действующие лица:

НАЧАЛЬНИК. Себе на уме. Задумчив. Рассеян. Любит круглые цифры.
СЕКРЕТАРЬ. Восторженный подхалим. На физиономии написано: «Позвольте, я для вас подлость сделаю».
РЕВИЗОР. Положительный герой. А потому и не участвует в этом представлении.

Кабинет начальника. Закрыты все окна и форточки — ни малейшего дуновения свежего ветра. Уютное кресло, с которым не хочется расставаться. Но придется.

Начало рабочего дня. Пасмурно.

НАЧАЛЬНИК. Ну-ну...

СЕКРЕТАРЬ. Правильно заметили, Игнат Севастьяныч. Действительно, ну-ну. Лучше не скажешь. Точная формулировка.

НАЧАЛЬНИК. Итак, сколько?

СЕКРЕТАРЬ. Всего сорок восемь.

НАЧАЛЬНИК. Квартальный план по кирпичу выполнен всего на сорок восемь процентов? (Задумчиво.) Сорок восемь, сорок восемь... Вас отсюда попросим... Что же написать в рапорте?

СЕКРЕТАРЬ. Уверен, Игнат Севастьяныч, вы что-нибудь придумаете. Такая голова!

НА ПРИВОЗНОМ КИТЕ

Некоторые научно-исследовательские институты расположены в больших городах, вдали от мест, с которыми связана их деятельность.

ПО СТАРОМУ СПОСОБУ

МАЛЕНЬКАЯ СЦЕНКА

НАЧАЛЬНИК. Голова... голова... Это все одни слова. А нужны цифры. Первым делом — закругляем. Ставь пятьдесят.

СЕКРЕТАРЬ. Уже! Поставил. На то и ноль сбоку, чтоб единицы не дремали, как говорит наш главбух Платон Егорыч.

НАЧАЛЬНИК. Пора уж ему на пенсию. Сколько Платону Егорычу?

СЕКРЕТАРЬ. Шестьдесят три.

НАЧАЛЬНИК. Ишь ты! Шестьдесят три... Шестьдесят три... Шестьдесят четыре... Шестьдесят пять.

СЕКРЕТАРЬ. Понял. Уже готово. Так и запишем: шестьдесят пять.

НАЧАЛЬНИК. Шестьдесят пять... Голову ломать опять... Чем же похвалиться в рапорте? Кругом одни волнения. Сегодня проснулся и начал считать себе пульс. Представь себе — семьдесят восемь.

СЕКРЕТАРЬ. Это не страшно, Игнат Севастья-

ныч. Для уважаемой личности, как вы, такой пульс вполне в норме.

НАЧАЛЬНИК. Ну, конечно, восемьдесят пять — это больше. Да! Восемьдесят пять... Тут уж близко и до девяносто... Девяносто... А?

СЕКРЕТАРЬ. Это, конечно, не того-с... Премия сгорит. Но все же солидней, чем сорок восемь. Значит, записываем — девяносто процентов.

НАЧАЛЬНИК. А вдруг нагрянет ревизор из области? Что будем делать?

СЕКРЕТАРЬ. Не нагрянет. Сейчас бездорожье. А до нас сто три километра.

НАЧАЛЬНИК. Сто три... сто три... Скажем для ровного счета сто пять.

СЕКРЕТАРЬ. Записываю. Сто пять... Тут уже пахнет.

НАЧАЛЬНИК (испуганно). Чем пахнет?

СЕКРЕТАРЬ. Премией.

НАЧАЛЬНИК. А! Но еще слабо пахнет. Надо будет еще подумать. Рапорт — дело серьезное.

СЕКРЕТАРЬ. Совершенно верно. Рапорт — это не шутка, как выразился один древний философ, умерший сто пятнадцать лет до нашей эры.

НАЧАЛЬНИК. Так и сказал?

СЕКРЕТАРЬ. Вот именно.

НАЧАЛЬНИК. Сто пятнадцать лет... сто пятнадцать...

СЕКРЕТАРЬ. Прямо пишу — сто двадцать. Это уже звучит (*напевает*). Душа радуется. Тра-та-та... Тра-та-та...

НАЧАЛЬНИК. Что за музыка?

СЕКРЕТАРЬ. Типичный Шопен. Популярная мазурка. Тра-та-та... Кстати, недавно исполнилось со дня его рождения сто пятьдесят лет.

НАЧАЛЬНИК. Как быстро время летит! Уже сто пятьдесят.

СЕКРЕТАРЬ. Уже сто пятьдесят... процентов.

НАЧАЛЬНИК. И буде! И хватит! А то еще, чего доброго, могут обвинить нас в очковтирательстве.

СЕКРЕТАРЬ. Сто пятьдесят! Вот что значит, когда берут цифры не с потолка, когда не высасывают их из пальца, а заимствуют из самой жизни. Как легко с вами работать, Игнат Севастьяныч!

Г. РЫКЛИН

Мы открываем для всеобщего обозрения наш паноптикум. Его экспонаты — живые, из плоти и крови, фигуры современных западных мракобесов. По просьбе редакции Крокодила ЛЕОНИД ЛЕНЧ составил путеводитель по паноптикуму — нечто вроде каталога. Каждый мракобес снабжен порядковым номером, каждый назван по имени. В общем, смотрите и читайте. С совершенным уважением

Крокодил

ТРИ ПОПА И ЧЕРТ
(Экспонат № 1)

1 — Что за черт! — скажет читатель. — Почему у вас тут три попа обнимаются с дьяволом? Минуточку! Даем объяснение. Здесь изображены английский каноник Фредерик Тиндэлл, глава богословского колледжа в Солсбэри преподобный Джон Бэрли из Клактона-он-Си и каноник Смит из Кента. Эти преподобные отцы недавно заступились за беднягу-черта. Дело было так. Другие, более просвещенные английские попы вознамерились изгнать лукавого из катехизиса: он-де со своими старомодными рогами, плешивым хвостом и козлиными копытами явно устарел. Была образована авторитетная комиссия из двух

архиепископов, и комиссия эта опубликовала новую, современную редакцию катехизиса. Бедный старый черт в результате модернизации священного писания из него выпал. Отныне, например, фразу: «Я отвергаю дьявола и всяческие его козни» — верующие должны произносить так: «Я отвергаю все, что может принести вред, и буду бороться против зла». Катехизис от подобной операции омоложения не стал ни лучше, ни современнее. А у старика дьявола нашлись заступники — та самая троица, что упоминалась вначале. Каноник Смит, человек прямой и простодушный, тот так прямо и сказал: — Я к нему, знаете, очень при-

вязался... Прямо скажу, я без дьявола как без рук... Такое симпатичное воплощение всех плотских соблазнов!.. Просто безобразие, что его упраздняют! Убивают романтику! На помощь английским друзьям старого черта поспешили его французские сторонники. Товарищество «Христианская книга» в Париже демонстративно издало толстенный «Трактат о дьяволе». Переплет обработан фосфором и светится в темноте. От страниц пахнет серой. Знай наших, парижских! Как же после этого не обняться старому роготому черту со своими дружками-священниками? Как не раздавить литрягу доброго грога «на четверых»!..

КНИГИ МОИСЕЯ
(Экспонат № 2)

2 Пророк Моисей, получив на горе Синай из рук самого Иеговы свод законов-заповедей—довольно тощую книжицу в переплете из кожи жертвенного тельца,—уже собрался уходить, но тут грозный Иегова остановил его рокошущим милостивым басом: — Постой! Куда торопишься! Вот возьми еще! — А это что такое, ваше всемогущество? — Внизу прочтешь. Тут всякие такие рецепты!.. в общем, про нечистую силу. Можешь издать как приложение к законам. Хорошо заработаешь! Помни мою доброту. — Премного вам благодарен, ваше всемогущество! Так в вольном изложении выглядит легенда о происхождении знаменитой «Шестой и седьмой книги Моисея». Неизвестно, заработал ли на ней сам пророк Моисей, но предприимчивые издатели на Западе заработали немало. И продолжают зарабатывать до сих пор. «Шестую и седьмую книгу» издают повсюду, и в частности в

ФРГ. Издают в роскошном переплете и совсем без переплета. Издают в полном виде и в сокращенном. А книга эта представляет собой своеобразную колдовскую энциклопедию. Тут обо всем можно прочитать: как вызывается нечистый дух и как он изгоняется, как распознать в знакомой (или в незнакомой) даме ведьму и от какой болезни помогает колдовское снадобье, изготовленное из толченых лягушек, из сушеных пауков, из вареных змей, из жареных земляных червей и из охлажденных глаз саламандр! Многочисленные знахари и колдуны «работают» на основе этого легендарного пособия, и в западной прессе нет-нет да и промелькнут сообщения об их плодотворной деятельности. * * * ...В 1958 году немецкий фермер придушил свою двенадцатидневную дочку. Кто-то втолковал ему, что девочка, родившаяся преждевременно, неминуемо становится ведьмой. Бодрый папа вооружился подушкой и... провел антиведьмовскую профилактику.

* * * ...В той же ФРГ, во Фленсбурге, женщина пошла к гадалке — погадать на мужа. Гадалка раскинула карты, вздохнула и сказала: — Помрет скоро! — Как помрет?! Он же совершенно здоров! — Ничего не могу поделывать: помрет! Карты врать не станут. Бедная женщина вернулась домой в слезах. Поплакала, поплакала и... повесилась, оставив записку: «Не хочу быть неутешной вдовой». Неутешный вдовец поплакал, поплакал и... женился на другой. * * * ...Какой-то швейцарский простофиля пошел лечиться от-накожной болезни к знахарю. Тот заглянул в «Шестую и седьмую книгу Моисея» и сказал: — Вам, молодой человек, надо скушать семь штук мухоморов. Как рукой снимет! — Не много ли семь штук? — В самый раз! Простофиля скушал семь мухоморов и помер. Оказалось — в самый раз!

ПЕДАГОГ-ДИНОЗАВР
(Экспонат № 3)

3 Мистер К. Н. Бэрн (Англия) не колдун, не знахарь, не пророк. Он преподаватель аристократического Итонского колледжа и сам в прошлом воспитанник Оксфорда. В общем, человек образованный. И тем не менее он занял свое законное место в нашем паноптикуме. Когда его бывший итонский ученик, член английского парламента консерватор Энтони Кэршоу, побывав у нас в Советском Союзе,

объявил, что пошлет своего сына Гарри по окончании колледжа в Итоне учиться в Ленинградский университет, мистер Бэрн сделал большие глаза и ужасно удивился: — Скажите! А я даже не знал, что у них в Ленинграде есть университет! Мистер Бэрн! А вы слышали у себя в Итоне, что у нас в Союзе имеются самые тяжелые в мире спутники, самые мощные ракеты и что по постановке дела высшего образования Советский Союз, по

всеобщему признанию, занимает первое место в мире? По вашему простодушному заявлению насчет одного из старейших русских университетов видно, что вы ничего этого не знаете, поэтому мы включили вас в опись монстров нашего паноптикума. Ведь такие динозавры, как достопочтенный мистер Бэрн, и составляют питательную среду для мракобесов всех мастей и жанров. Было бы болото, а черти найдутся!

ПОП С БОМБОЙ (Экспонат № 4)

ПОДМОЧЕННЫЙ ПРОРОК (Экспонат № 5)

ВЛЮБЛЕННЫЕ ПРИВИДЕНИЯ (Экспонат № 6)

ОХОТНИКИ ЗА ВЕДЬМАМИ (Экспонат № 7)

4 Это еще один поп — американский пастор Полард. По совместительству со служением господу богу он занимается научными исследованиями в области ядерной физики и имеет докторское звание. Состоит на службе у атомных монополий.

И днем и ночью поп ученый Полард проповедует такую не сложную, но ядовитую мыслишку: что такое Солнце или любая звезда Млечного Пути? Это естественная водородная бомба: ведь на светилах происходят непрерывные термоядерные реакции. Отсюда надо сделать вывод, возлюбленные братья и сестры, что

господь бог первым создал водородную бомбу и накопил у себя на небе водородок во много раз больше, чем мы, грешные. А поскольку водородная бомба — дело рук божьих, то почему бы нам — «в определенных условиях и при определенных обстоятельствах» — не сбросить ее на головы врагов наших?! Ей-богу, господь бог ничего не будет иметь против! Это я вам говорю, возлюбленные братья и сестры, ваш смиренный пастырь Полард. Аминь!

Бедный старый рогатый черт! Ты выглядишь невинным козленком рядом с этим ученым дьяволом в поповской рясе!..

5 Некто Бианки, миланский врач, убедившись, что на скромный гонорар с пациентов не разгуляешься, решил... переквалифицироваться в пророки.

Бианки стал называть себя братом Эмманом и пророческой своей специальностью избрал всемирный потоп. Другие прорицатели предсказывали конец света от разных других катаклизмов, а Бианки бубнил свое: нет, нет, братцы, конец света придет в виде водяной феерии!

Появились у брата Эммана почитатели, в карманы потекли приношения. Прошлым летом он созвал свою паству и объявил:

— Ну, ребята, все! Только что беседовал с архангелом Гавриилом: потоп назначен на июль. Так что поторапливайтесь! Всё, как есть, продайте, уедем в Швейцарию и залезем на Монблан. До вершины Монблана вода не дойдет: Гаврюша гарантирует. Отсидемся как-нибудь!

Кто-то робко спросил:
— Брат Эмман, а зачем же имущество продавать? Если все будет под водой, деньги, пожалуй, и не понадобятся!

Брат Эмман ответил:
— Деньги мне передайте — на

организацию вашего спасения. Вас вон сто с лишним голов! Такую ораву на Монблан затащить не простое дело. Действуйте, продавайте пожитки!

Продали. Уехали налегке в Швейцарию. И в назначенный для всемирного потопы день залезли скопом на Монблан.

Сидят, ждут потопы. А над ними не каплет! Час не каплет, другой не каплет. Начинается неприятный разговор:

— Брат Эмман! Что же это такое, а?! Что-то над нами не каплет!

— Закапает! Ждите!
Ждут. Не каплет!

— Если через полчаса потоп не начнется, брат Эмман, будем бить. И не архангела, а вас!

Спустя пятнадцать минут козы, что мирно паслись на склонах Монблана, видели, как с вершины вниз чудовищными — даже с точки зрения горных козлов! — скачками мчался какой-то человек, а за ним лавиной катилась орущая толпа преследователей. Вослед пророку летели камни и палки.

Теперь доктора Бианки собираются судить за обман и присвоение чужой собственности. Да поможет ему архангел Гавриил!

6 Свой роман английский писатель Питер С. Бигл назвал — ириво: «Великолепное единенное место». Не думайте, однако, плохо о Питере С. Бигле: речь идет не о том «единенном месте», куда, по старой русской поговорке, даже царь ходил пешком. Речь идет о кладбище.

Действие романа происходит среди крестов и могил. Действующие лица — сплошь привидения мужского и женского пола. Есть среди них и живой человек — некто Джонатан Рабек. Впрочем, он тоже не совсем живой, потому что прожил двадцать лет в склепе на этом же кладбище и от длительного общения с мертвецами

слегка окосел. Из живых существ в романе еще имеется говорящая ворона. Она перепархивает с одного кладбищенского дерева на другое и, вмешиваясь в разговоры покойников, вносит, как говорится, струю здорового оптимизма в их унылые рассуждения.

В романе поставлена такая общественно важная, острая, глубоко актуальная проблема: могут ли покойники влюбляться друг в друга?

Питер С. Бигл отвечает: да, могут. Английские читатели романа будут теперь спать спокойно. Какие волнующие перспективы открыл перед ними жизнерадостный Питер С. Бигл!

7 Англичанин Джозеф Кристи, проповедник и правоверный католик, убежден в том, что эпоха ведьм и оборотней не прошла.

Ему говорят:
— Ваше преподобие, как-то оно не вяжется: спутники, цветные телевизоры и вдруг... ведьма на помеле!

— Очень даже вяжется! — отвечает его преподобие. — А про помело — это вы бросьте! Ведьмы сейчас другие. На иную посмотрись: хорошенькая мордашка, юбочка колоколом или брючки

узкие до щиколоток, улыбается, как ангел, и... вообще мила! А она ведьма! Самая доподлинная. И у нее — извините! — под юбкой или в брюках спрятан самый доподлинный хвост!

Через газету «Дейли миррор» преподобный Джозеф Кристи грозит, что скоро выступит по телевидению с докладом о своем методе распознавания современной ведьмы. Английские женщины и девушки, трепещите!

Леонид ЛЕНЧ
Иллюстрации Бор. ЕФИМОВА.

Мелкой дробью

ДОЛЖНЫ ЛИ ПОСТИТЬСЯ СОБАКИ?

Этот вопрос задал английский кардинал Уильям Годфри. Сам он убежден, что не только верующие католики, но и их собаки должны соблюдать пост. Мало того, кардинал пошел настолько далеко, что предложил верующим владельцам пуделей не водить их в дни поста к собачьим парикмахерам.

Газеты сообщают, что в ответ на это заявление председатель Лиги защиты собак Н. Ламберт заметил: «Я и без того знаю многих собак, которые ведут себя гораздо более по-христиански, чем их владельцы».

КАК СТАТЬ МЭРОМ

Как легко всего стать мэром? Судя по успеху мистера Нормана Людвигсона, ставшего мэром города Блумс в штате Висконсин (США), для этого достаточно:

а) отсидеть год в тюрьме за воровство;

б) отсидеть второй срок — на этот раз за изнасилование.

Ходят слухи, что Блумсу угрожает массовое нашествие преступников — каждый из них считает, что у него немалые шансы стать мэром города.

«ОСТОРОЖНО, ТАНЦЫ!»

Недавно в Париже, во Дворце спорта, проходил международный конгресс рок-н-ролла. Участники его так растанцевались, что перебили лампочки, стекла и ближайшие телефоны-автоматы. Полиция не смогла оценить всей новизны этих па и уекла 45 танцоров в кутузку.

По имеющимся сведениям, полиция намерена впредь утаивать вокруг зданий, где собираются рок-н-роллистки, таблички: «Осторожно, танцы!».

— А это, дорогие практиканты, извините за выражение, навоз!

БЫЛ ПАН И ПРОПАЛ

Председатель горсовета в Залещиках на Тернопольщине Кобылецкий за короткий срок сменил четыре квартиры, одну больше другой. Но может ли он, мэр города, жить в одном доме вместе с простыми смертными?! И Кобылецкий занял для себя и жены персональный особняк. Однако внутреннее убранство особняка не устраивало чету Кобылецких; на его благоустройство срочно было потрачено одиннадцать тысяч рублей. Кроме того, услужливые дружки изъяли из гостиницы ванну и водворили ее в особняке Кобылецкого.

Заниматься выполнением наказов избирателей Кобылецкому было недосуг: он слишком был поглощен работой на трех незаконно захваченных огородах и сбытом овощей на рынке.

Панские замашки Кобылецкого, о которых писал Крокодил в № 1, привлекли внимание Тернопольского обкома партии. Кобылецкий снят с должности председателя, ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Ванна возвращена гостинице. Вот только непонятно, почему Кобылецкий продолжает оставаться в особняке, который он занял, используя свое служебное положение.

Отклики и реплики

СКОЛЬКО СТОИТ ВЫГОВОР?

В № 2 Крокодила (см. заметку «Реши сам») читателям была задана задача на сообразительность. Она звучала примерно так:

«Когда прекратится головотяпская практика перевозки осины за 2 тысячи километров с Урала в Томск для спичечной фабрики «Сибирь», если известно, что вокруг самого Томска осины видимо-невидимо».

Многие читатели прислали свои решения. И мы спешим воздать должное их смекалке.

Шофер Т. Балва из Черногорска, контролер-ревизор Ф. Кузнецов из Москвы, военнослужащий И. Челяк из Витебска и другие читатели единогласно предлагают такой ответ на задачу:

«Как только руководителям фабрики предложат оплатить убыток, причиненный ими государству, так головотяпство и кончится».

Прислал свое решение крокодилской задачи и председатель Томского совнархоза тов. Н. Гриндин. Вот оно:

«Спичечная фабрика «Сибирь» комбината «Томлес» полностью обеспечивается сырьем (оси-

ной) для производства леспромпхозами Томского совнархоза. Так, в 1960 году фабрике поставлено 52 тыс. кубм осины при потребности на год 41 тыс. кубм.

Несмотря на это, директор фабрики т. Левин без ведома совнархоза и комбината «Томлес» самовольно завез на фабрику в IV квартале 1960 года с Урала 200 вагонов осины.

Отмечая недопустимость подобных действий т. Левина, Совет народного хозяйства ПОСТАНОВЛЯЕТ:

За самовольный завоз спичечной осины с Урала в количестве 200 вагонов директору томской спичечной фабрики «Сибирь» т. Левину А. Б. объявить выговор».

Ущерб, причиненный государству А. Левиным, исчисляется почти в четыреста тысяч рублей (старыми деньгами). Очевидно, в эту сумму и следует оценить полученный им выговор.

Интересно, а сколько стоит в Томском совнархозе, скажем, строгий выговор? Наверное, тут пахнет миллионом!

Как видим, ответ Томского совнархоза на нашу задачу сильно отличается от того, какой предлагают читатели Крокодила.

«СИНИЙ КОНВЕРТ» ПОПАЛ ПО АДРЕСУ

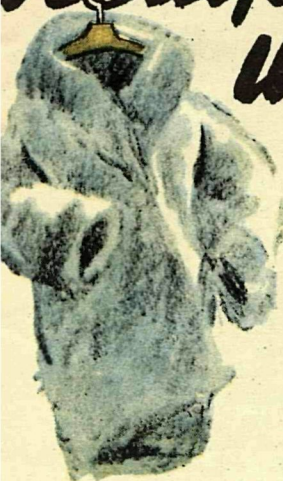
В фельетоне «Загадка синего конверта» (№ 3 журнала) говорилось, что на многих станциях подолгу лежат удобрения для колхозных и совхозных полей. Мы получили несколько откликов на этот фельетон.

Из Талдома, например, нам пишут, что критика подействовала и удобрения уже вывезены. Ступинский горком партии сообщает: установлен строгий контроль за тем, чтобы удобрения вовремя вывозились на поля.

Особенно нас порадовало то, что по фельетону были приняты меры даже в тех местах, о которых мы и не упоминали. Начальник грузовой службы Ташкентской дороги тов. Ходжаев передал нам по телефону, что выступление Крокодила подтолкнуло и у них нерадивых хозяев, которые мариновали важные грузы на железнодорожных станциях. В спешном порядке эти грузы стали вывозить туда, где они нужны. Однако на двух станциях — Багиш и разъезд 251 — еще лежит несколько тысяч тонн удобрений. Принадлежат они Джалал-Абадской торгмашбазе и ряду колхозов.

Если руководители этих хозяйств ждут особого приглашения, мы люди не гордые, можем послать такое.

Нейлоновая шубка

НОВЕЛЛА О НЕИСТОВОМ СПЕКУЛЯНТЕ

Глава двенадцатая
Виноват будильник. Одесский валютчик. Диалог
за фанерной перегородкой.

Гогоберашвили прибыл в город поздно вечером. Ему не захотелось искать гостиницу. Он вспомнил о Потепенко. Жив ли еще старик? Или безжалостная смерть унесла в небытие бывшего скорняка и валютчика?

На всякий случай Шалва Константинович позвонил. К телефону подошел сам Потепенко.

— Вы можете дать приют одному вашему знакомому из Тбилиси? — спросил Гогоберашвили.

— Вы ли это? — обрадовался старик. — Приходите, дорогой, гостем будете!

Немного погодя Гогоберашвили сидел перед сухоньким старичком, одетым в чесучовый пиджак с пупырышками, и рассказывал о трагических происшествиях последних дней.

— Голову мне оторвать мало, — бил себя в грудь Гогоберашвили. — Как я поверил этим аферистам!

— Семь раз проверь, один раз поверь, — сказал Евсей Миронович.

— Вот именно! А я? Схватил машину и помчался в столицу. Видели ли вы такого дегенерата?

Шалва Константинович горестно закачался на стуле.

— Что слышно дома? Как ребенок? — спросил Евсей Миронович, чтобы хоть на минуту извлечь гостя из темной бездны отчаяния.

— Ребенок ждет свадьбы. Он уверен, что я привезу чемодан денег...

— А как будущий зять?

— Одним словом: метатель!

— Простите, что это значит на современном языке? Чем он занимается?

— Кидает молот.

— Насколько я понимаю, от этого занятия разбогатеть невозможно, — покачал головой Потепенко.

Шалва Константинович сжал ладонями лоб. — Не надо убиваться, — неуверенно посоветовал Евсей Миронович. — Не все еще потеряно. У вас впереди вся жизнь!

— Какая жизнь! Помидоры сгубили мою старость.

— Дело не в помидорах, — мягко сказал экс-валютчик. — Если хотите знать мое мнение, помидоры — это частность. Вы могли бы с таким же успехом погореть на цитрусовых, на мануфактуре и на лавровом листе. Когда-то на чем-то вы должны были сгореть! Виноват будильник.

— Какой будильник?

— Тот самый, который прозвонил ваше вре-

мя, — пояснил экс-валютчик. Он не спеша открыл коробку «Золотого руна», набил табаком две гильзы и, протянув папиросу Шалве Константиновичу, продолжал:

— Возьмите меня. Я имел дело в родной Одессе с солидным товаром, не чета вашим помидорам. Я торговал долларами, фунтами, итальянскими лирами — словом, всеми деньгами, участвующими в международном платёжном обороте. Меня можно было разбудить ночью и сказать: «Евсей Миронович, нужны швейцарские франки». Наутро вы получили франки, как в английском банке. Такая была постановка дела. И что же? В один прекрасный день все кончилось. Раздался продолжительный звонок. Это будильник отзвонил мое время: пришла новая власть... Сыну она нравилась. Я спорил с ним. Он решил уйти из дому, чтобы не жить на мои нетрудовые доходы. Он вступил в комсомол. Я говорил ему: «Куда ты пошел? Ваши голодранцы не продержатся и года. Придет другая власть, и нас расстреляют вместе с тобой».

«Наша власть, — отвечал он, — самая устойчивая в мире, поймите это, папаша, в виду».

«Откуда ты взял, что она такая устойчивая?»

«Это власть рабочих и крестьян!»

«Хорошо. Я многого не требую от вашей устойчивой власти. Вот тебе рубль, сбегай в лавочку и купи мне бутылку подсолнечного масла».

«У нас нет масла».

«Прекрасно. Тогда купи себе пару штиблет взамен деревяшек. Их стукотня действует мне на нервы».

«У нас еще нет штиблет».

«Отлично. Тогда раздобудь себе пару штанов, потому что ты разгуливаешь по улице, извини за выражение, с голым задом. Насколько я помню, представители власти всегда ходили в штанах!»

«У нас нет и штанов».

«А, вот как! Тогда иди! Беги к ним! Строй новый мир без масла, без штанов, беги к своим голодранцам!»

И он ушел. Я его жалел. А кто оказался прав? Мой Федя. У них теперь есть и штаны, и блюминги, и ракеты, и атомные станции и даже космические корабли. И вот с этой властью, Шалва Константинович, вы выступаете в затяжной конфликт. Вам кажется, что ее легко обмануть. Остин Чемберлен не мог ее обмануть, Ллойд-Джордж не мог. Вудро Вильсон тоже. А вы можете?

— Я ошибся, — заупрямился Гогоберашвили. — Не нужно было везти помидоры. Вы помните, какую удачную операцию я проделал с мимозой?

— Вы младенец, Гогоберашвили. Наденьте слюнявчик. Неужели вы не понимаете, что и тогда вы никого не обманули? Просто в то время у них не дотянулись руки до мимоз...

— Что я слышу! — воскликнул Гогоберашвили. — Евсей Миронович, вы ли это? Вы, случайно, не стали председателем домового комитета?

— Представьте, нет!

— Может, вы вступили в профсоюз?

— Не смейтесь, — сказал Потепенко. — У меня много свободного времени. Я ведь даже не пенсионер. Я иждивенец. Чем-то надо заниматься. Сын взял меня к себе с одним условием: я не должен дублировать работу валютного отдела Государственного банка. И я не дублирую. Я цацкаюсь с внуками и помогаю домоуправлению. Мы озеленили двор и организовали детскую площадку. Я помогаю домоуправлению и много читаю. Я прочитываю в день вагон периодики. Я много читаю и много думаю... Недавно со мной произошел смешной случай. Я сидел в сквере и читал газету. На последней странице был помещен рисунок. В постели лежит больной Капитал, обложенный кислородными подушками. На них надпись: «Военный бюджет». Ко мне подсел господин Хольман, корреспондент из ФРГ. Он сказал:

«Вы старый, видавший жизнь человек. Меня интересует, что вы думаете о некоторых кардинальных вопросах современности. Ответьте мне на один вопрос».

«Если сумею, — отвечу».

«Вот вы держите в руках газету. В ней карикатура. Как вы относитесь к таким карикатурам?»

«Я думаю, что это не шедевр».

«Нельзя ли поподробнее? Я не записываю вашей фамилии. Можете говорить, не оглядываясь».

«Я не оглядываюсь. И я никого не боюсь. Моя фамилия Потепенко. Что же касается карикатуры, то это не ахти какое остроумное произведение».

«Сразу видно приличного человека, — обрадовался корреспондент. — Нельзя ли еще поподробнее?»

«Что еще можно сказать?.. Одно в ней правильно: старый мир дышит на ладан. Он держится на камфаре. Он уже не поднимется. Может быть, еще подробнее?»

«Данке», — ответил господин Хольман и смылся со скамейки.

— Кто бы мог подумать, что Потепенко, старый валютчик, будет так разговаривать с иностранными корреспондентами! — сказал Гогоберашвили. — Судя по всему, вам нравится ваша жизнь. Скажите по совести, Евсей Миронович, вам никогда не хотелось опять заняться английским фунтом и греческой драхмой?

— Не буду скрывать. Приятно вспомнить молодость. Но я не фантазер. Я человек реальной мысли. Прошлого не вернуть. Я умру иждивенцем!

— Я не хочу быть иждивенцем! — сказал Гогоберашвили.

— А кто вас спрашивает? Вы же не десятиклассник. Это их спрашивают: «Кем ты хочешь быть?» А вас уже никто не спросит!

— Что же делать, Евсей Миронович? Снимать номерки?

— Почему бы и нет?

— А как же быть с ребенком?

— Ребенок пусть пойдет работать. Генриетта получит специальность. И, если можно, пусть начнет учиться.

— Поздно...

— Набираться ума никогда не поздно. Ребенок это поймет. Дети сплошь и рядом умнее своих родителей. Пример тому — мой сын. Сейчас он большой инженер. Федя выстроил не одну домну. У него золотая голова. Я тоже мог бы стать знаменитым строителем, если бы думал о металле, а не о том, как подзаработать на греческой драхме.

— Каждому свое, — вздохнул Гогоберашвили и начал прощаться.

Он покинул экс-валютчика с тяжелым сердцем. Он заехал к профессору Читашвили. Математика не было дома. Шалва Константинович взял нейлоновую шубку. «Придется с ней расставаться», — с сожалением констатировал Гогоберашвили. У начальника томатной экспедиции не было денег на обратный проезд. Он повез шубку в комиссионный магазин.

Веня-музыкант принял клиента со свойственным ему профессиональным хладнокровием.

Завмаг повелозил музыкальными пальцами по нейлоновому диву и как бы невзначай бросил:

— Оценим в четыре.

— Извиняюсь, я не ослышался? — сказал Гогоберашвили. — Почему в четыре? У вас произошло снижение цен? Несколькими днями назад я заплатил пять с половиной!

— Он ничего не знает, — заняла свое место в нападении Матильда Семеновна.

— Что я должен знать?

— Вчера у нас была комиссия «Скупторга», — сказал Веня. — Нам крепко указали на то, что мы произвольно завысили цены на нейлон.

— А вам не указали, что вы аран? — рассердился Гогоберашвили.

— Мерси, — сказал Веня. — Только больше я не дам.

— Совести у вас нет!

— Совесть? В анкете этого вопроса не значится. Во всяком случае, такую графу я не заполнял.

— Пять с половиной!

Веня-музыкант улыбнулся, обнажив ровные мелкие зубы, много зубов, больше, чем их полагалось для нормальной челюсти.

— Пять двести пятьдесят! — сказал Гогоберашвили. — И только потому, что у меня нет времени бегать по комиссионным магазинам!

— Пять — и ни копейки больше!

— Пользуетесь моим положением, да? Кушаете комитента? Я видел картину «В глубинах моря». Там акулы нападают на смертельно раненного кита. Они рвут его живьем!

— Матильда Семеновна, как вам нравится этот могучий оратор? — озлился Веня. — Слушайте, вы, не стройте из себя интеллигента! Я догадываюсь примерно, кто вы такой. От вас за версту несет рынком. Приберегите ваши речи для

фининспектора. Словом, хотите пять кусков, — пожалуйста! Нет, — будьте здоровы, передайте мой братский привет Гагрипши, Сухумскому ботаническому саду и озеру Рица!

— Гниль ты спекулянтская! — не выдержал Гогоберашвили. — Креста на тебе нет!

— Что верно, то верно. Креста на мне действительно нет. Я буддист. Я верю в нирвану и перевоплощение живых существ!

— Будем надеяться, что вы подавитесь моими деньгами! — закончил оживленную беседу Гогоберашвили.

Веня-музыкант начал выписывать квитанцию.

Когда Шалва Константинович ушел, Веня-музыкант любовно огладил синтетический мех и сказал:

— Вы знаете, Матильдочка, почему появилась на свет эта шубка? Бог создал ее, чтобы ежемесячно увеличивать нашу реальную зарплату.

— Не гляньте, — попросила суеверная Матильда Семеновна.

Она сняла телефонную трубку, чтобы известить очередного покупателя из актива комиссионного магазина о появлении нейлонового дива.

НОВЕЛЛА О ФОКУСНИКЕ СОЛЬДИ И АДМИНИСТРАТОРЕ ЛОШАТНИКОВЕ

Глава тринадцатая

Сольди, сын Сольди. Борьба за чалму. Проблемы иллюзии. Ассистентка с посадочной платформы. Иннокентий Лошатников.

Среди отечественных магов и иллюзионистов акции Гавриила Лукьяновича Сольди котировались не слишком высоко. Сольди слыл консерватором. Он выходил на эстраду в старомодном сюртуке, черных, в полоску, дипломатических брюках и лакированных башмаках с серым замшевым верхом на пуговичках. Голову его венчала чалма со страусовым пером и нестерпимо сверкающим бриллиантом мощностью в пятьдесят каратов.

Чалма была одним из самых важных элементов экипировки старого мага. О ней речь пойдет ниже.

Высокий, чуть сутулый, с залезшими волосами, Сольди был похож на элегантного господина, сошедшего с дореволюционного рекламного объявления.

Старомодный костюм Сольди вполне гармонировал с волшебными аксессуарами, оставленными ему в наследство отцом.

В период массового отказа от иностранных псевдонимов Сольди сохранил верность своей фамилии. Несмотря на нажим со стороны Говору-

хина, председателя месткома, он не хотел выступать под фамилией своей матери.

— Почему матери? — отбивался маг. — Фамилия моего отца тоже была Сольди. Стало быть, я Сольди, сын Сольди.

— Все же вам лучше выступать под фамилией Недорезков.

— Как же так?! Маг и чародей и вдруг — Недорезков! Публика не поверит!

— Вы хорошо подумайте, — убеждал Говорухин. — Соглашайтесь, пока не поздно. Мы закажем для вас другую афишу.

— А как же чалма? Ежели я Недорезков, придется работать без чалмы?!

— Наплюйте! Переоформим номер. Сошьем вам шелковые шаровары, сафьяновые сапожки.

— Без чалмы я не согласен, — замотал головой Сольди.

— Послушать, как вы цепляетесь за чалму, можно подумать, что ваш отец был муфтием!

— Без чалмы нельзя. Вот я, например, вынимаю из нее золотую рыбку.

— Будете вынимать рыбку из шапки-ушанки.

— Из ушанки не выйдет, — грустно сказал маг. — Из ушанки не то. Не волшебю!

— Значит, вы хотите доставать своего карпа только из зарубежного головного убора? Ох, смотрите, Сольди, как бы это не завело вас в творческий тупик!

Сольди оставался непреклонным. Предместкома дважды проработывал мага на производственном совещании. Мастер манипуляции дрался за чалму с неистовством и ожесточением фанатика-магометанина. Вместе с чалмой старик Сольди отстоял сюртук, лакированные башмаки на пуговичках и все свои старомодные аксессуары.

Между тем время подстегивало магов. Знаменитый эстрадный теоретик писал в статье «Проблемы эстрады и последние иллюзии»: «В эпоху атома, космических кораблей и кибернетики все труднее эмоционально воспламенить нашего зрителя наивными карточными фокусами, всеми этими пассировками, шанжировками, пальмированием монет и коробками с двойным дном. Пора нашим передовым иллюзионистам обратить свои взоры к электронике, полупроводникам, к высотам подлинной науки».

Но старик упорно цеплялся за старые иллюзии. Он терял одну позицию за другой. Не без помощи Говорухина его оттеснили от центральных площадок. Он шел, как говорят кинематографисты, вторым экраном. Маг не роптал. Он добросовестно показывал старые фокусы: «Монеты в цилиндре, или золотой дождь», «Сеанс с тамбурином», «Рисовая ваза индусов». И самое удивительное, что публике они даже нравились. Возможно, потому, что иллюзия должна быть немного наивной.

Жена Сольди, Викторина Аркадьевна острее переживала его опалу. Викторина Сольди не лю-

била райцентры, булыжные мостовые, гостиницы с дровяным отоплением и шум электрического движка по вечерам. Все это напоминало ей недавнее прошлое: далекую железнодорожную станцию, где она работала кассиршей. Станция была до того маленькой, что не имела собственного названия и числилась в железнодорожных расписаниях как «посадочная платформа тридцать пять километров».

Именно с посадочной платформы увез Гавриил Лукьянович будущую жену. Она стала его ассистенткой.

Викторина Аркадьевна по-своему любила старого Сольди. Она не пилила его, не изменяла и даже отвергла откровенные ухаживания одного дивно сложенного гладиатора с циркового конвейера.

Гладиатор выходил на манеж в одних плавках, выкрашенный с ног до головы в золотую краску и со щитом из поддельной леопардовой шкуры. После демонстрации красоты человеческого тела потомок бойцов древнего Колизея таскал на леопардовом щите униформистов и всех желающих из публики, но не больше шести человек за раз, что было оговорено в афише.

Гладиатор предлагал Викторине Аркадьевне свое сердце и даже посулил ежевечерне носить ее на щите, а это дано не каждой женщине. Викторина Аркадьевна отказалась. Она любила искусство иллюзии. Кроме иллюзий, она любила также домашнее тепло, дешевый мармелад и платья из фигурного панбархата.

Викторина Аркадьевна дрогнула, когда встретила с Иннокентием Лошатниковым — новым администратором их группы. Лошатников не мог похвастать гладиаторской фигурой. То был толстый, почти квадратный человек. Несмотря на свои габариты, он не страдал одышкой, не жаловался на сердечную мышцу и преждевременное ожирение. Подвижной, наполненный до краев бизнесменовскими идеями и комбинациями, Лошатников считался талантливым организатором. Впрочем, начальство, ведающее гастролями, слегка побаивалось за него: Лошатникова подчас заносило. Все его идеи граничили с недозволенным, от них было рукой подать до уголовного кодекса.

Иннокентий Лошатников рано начал жизнь в искусстве. В двадцать два года его выгнали из театральной школы за неспособность. Он выехал с диким эстрадным коллективом в большое гастрольное турне по Казахстану. Бригада выступала в отдаленных районах, на джайляу — горных пастбищах, среди чабанов, стерегущих отары курдючных овец.

В свободное от концертов время Лошатников спекулировал коричневым вельветом и плиточным чаем. С чаем ему не повезло. С чаем произошла большая неприятность...

(Продолжение следует).

Весёлые Курьёзы

ИСТИНА О КАПРОНЕ

Кто придумал, что капрон — новый материал? Чепуха. Капрон был в употреблении еще лет 80 тому назад. Это выяснила Киевская киностудия. Она недавно оповестила человечество о том, что охотно приобретет «...старинные вещи периода 1880—1900 гг., а именно... канотье, котелки, цилиндры, корсет, венки венчальный, ФАТУ ИЗ ТЮЛЬМАЛИНА ИЛИ КАПРОНА...» и так далее.

Таким образом, Киевская киностудия совместно с редакцией вильнюсских «Вечерних новостей», опубликовавших ее объявление, восстановила поправленную истину и вернула капрону его подлинный возраст.

Юный чабан.

Фотоэтид И. Машенцева.

ГОЛОВОЛОМКА

Нелегкую задачу задала своим читателям газета «Ленинский путь», выходящая в Ошской области Киргизии.

Попробуйте среди этих симпатичных барашков найти юного чабана. Ни за что не найдете. Одно из двух: или он

в то время очень ловко спрятался, или спокойно играл в футбол со своими сверстниками.

Но факт остается фактом: барашки остались без чабана, а подпись под фотоэтидом — без здравого смысла.

СОМНИТЕЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Начало спектаклей — в 19.00

Оперы и балета — «БАЛ»
СКАРАД» И»

Как вы думаете, откуда взят этот фривольный рисунок, изображающий «даму полусвета» в объятиях ухажера? Из журнала «Развлечение» за 1892 год? Ничего подобного. Так рекламирует театральные постановки газета «Советская Белоруссия». А уж откуда она взяла, мы не знаем.

Нам картинка не понравилась. Говорят, на вкус и цвет товарищей нет. Но в данном случае у нас оказалось много товарищей, которые тоже активно протестуют против такого рода «рекламы».

Прошлым летом некий опытный ворюга Н. А. Павлов успешно обобрал двух молодых людей, отдыхавших в санатории Барыбино. Поскольку Павлов уже дважды судился, он не пожелал проходить подобную процедуру в третий раз и благополучно исчез в сиянье голубого дня, даже не оставив своего адреса Михневской милиции.

Отыскался след Павлова только через несколько месяцев. В селе Каменка, Беляевского района, Одесской области, он был задержан при попытке среди бела дня обокрасть одну квартиру.

Весть об этом дошла и до михневской милиции, которая на радостях написала прокурору Беляевского района, прося присоединить и подмосковное уголовное дело.

Прокурор ответил только через два месяца и весьма оригинально: «Павлов арестован за совершение квартирных краж... за отсутствием необходимости уголовное дело не направляйте».

Выходит, за воровство в Одесской области судить следует, а за кражу в Московской — не надо?

Переписка московских юристов с их одесскими коллегами попала к заместителю прокурора Московской области тов. Залегину. Он сосредоточенно перелистал распущенное дело, затем распорядился направить в Беляевский район просьбу допросить Павлова.

Беляевский прокурор опять долго отмалчивался, но к концу года пришел ответ от юриста второго класса Ю. Бондаря. Он сообщил, что Павлов осужден, но о допросе по поводу подмосковной кражи — ни слова.

В начале 1961 года прокурор Ступинского района В. Родионов решил закончить надоевшее дело и начертал резолюцию, гласящую, что, поскольку Павлов осужден в Одесской области, судить его в Московской не следует.

Беляевский прокурор доволен: что, взяли? Жулик-де наш, мы с ним сами и расправимся, а михневскому правосудию своего жулика отдавать не намерены. Если, мол, вы не сумели его поймать, то и кусайте свои локти. Мы с вами делиться не станем!

Вдохновенный доклад заведующего горкомхозом о бытовом обслуживании населения.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Сначала я мужался, но потом женился».

«Теперь мне стало ясно, что она не может понять всех миазмов моей тонкой души».

(Из заявления о разводе.)

Записал Л. ВОРОНИН.

«Унылая физиономия нашего директора на всех нас производит угнетающее состояние, и мы просим сменить ее на более жизнерадостную».

(Из заявления.)

«Защита диссертации была произведена на малопонятном, но высоконаучном языке».

(Из выступления оппонента.)

Собрал В. ЩЕЛЫВАНОВ.

«Я страдаю, так как живу честно и никому не даю взятку. Конечно, не потому, что я не имею денег, а просто не знаю, кому дать...»

(Из письма.)

«Прошу найти моего мужа и привлечь его на подсудимую скамью. Я не знаю, в какой он организации работает, но знаю, что на самосвале. Прилагаю дело в трех томах: для ясности».

(Из заявления в милицию.)

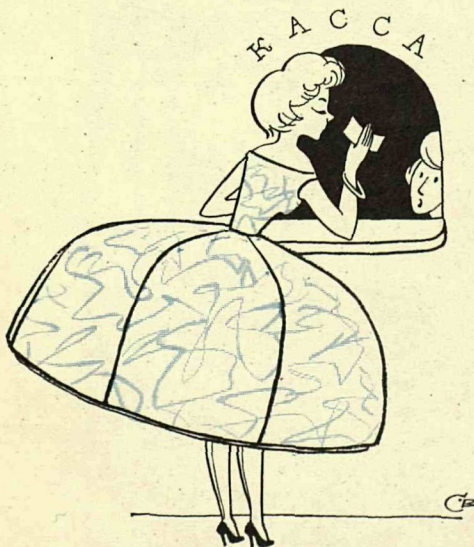
Копии снял В. КУТЕЙНИКОВ.

«Я хочу быть артисткой, все говорят, что я имею объективные данные. Сообщите, куда можно предъявить мои данные».

(Из заявления.)

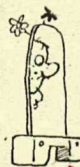
Прислал Н. МАЛИНН.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

— Три билета на Южную трибуну!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Эпиграммы

О ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

У зеркала застыл какой-то гражданин,
А друг его шептал: — Ты выглядишь прекрасно!
Ты просто Аполлон! И для любого ясно,
Что ты по красоте единственный один.
А если у тебя лицо чуть-чуть рябое,
Глаза слегка косят и нос лиловый крив,
То это пустяки. Ты дьявольски красив!
Уж это зеркало такое.

У нас давным-давно сложился трафарет
Оценки и хулы переведенных строчек.
Коль хороши стихи, да здравствует
поэт!
А если что не так, виновен переводчик.
Немало есть у нас весьма плохих зеркал,
но не всегда хорош
и сам оригинал.

КТО ЭТО!

В стихи и в походку
Он вводит, как штамп,
Особый размер:
Пятистопочный ямб.

ЛОВКОСТЬ РУК

Он, с помощью рубанка
и пилы
Срезая острые углы,
Так эпиграмму обстругал,
Что получился
мадригал.

ЗАСЛУЖЕННОЕ ИМЯ

В его статья улыбочивая гладь.
Он суть любых проблем обходит осторожно.
За что он борется! Никак нельзя понять.
А с чем он борется! Почувать невозможно.
Он пишет, не сказав по сути ничего
И точкой зрения себя не озаботив.
Вот почему
зовут его
Ниданинет Низанипротив.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01252. Изд. № 555. Подписано к печати 20/III 1961 г. Формат бум. 70×108 1/8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 811. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

129

10877 н.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА. 29 МАР 1961

Имperialистические круги США финансируют контрреволюционные группировки, готовые к нападению на Кубу.

Готовы выступить по первому знаку — долларовому.

Цена номера 12 коп.